

Валерий Прокошин

Коротко стриженный черноволосый подтянутый парень с пластиковым пакетом в руке вошел ко мне и сказал очень просто и весело:

— Здравствуй! Меня зовут Валера Прокошин, я от Киселевой. Она попросила передать рисунки Коли Милова.

С этими словами он вынул из пакета и протянул мне несколько листков, небрежно вырванных из школьной тетради в клеточку.

— А я пишу стихи, — после секундной паузы продолжил он и достал из того же пакета желтоватые маленькие листочки. Я успел заметить ровные строчки, бисерный почерк и симпатичную завитушку подписи внизу.

Поблагодарил и попросил его зайти вечером, сейчас у меня работа...

Валерий ушел, а я, взяв листочки, пошел на кухню: раз от работы меня уже оторвали, хоть посмотреть, что там такое.

Я люблю поэзию. Меня вдохновляют тонкие ассоциации, изящные или неожиданные рифмы и ритмика стиха, образность, многомерность и глубина

поэзии. А тогда я вообще читал все, что попадалось, покупал и классику, и стихи провинциальных поэтов. И давно понял, что замечательные стихи бывают не только у классиков, но и у поэтов неизвестных. Но то, что я читал в тот момент, меня просто ошарашило:

*Слышу сердца счастливую гонку
По широкому руслу крови.
Я за ним не успею вдогонку,
Если смерть торопливей любви...*

Или это:

*... Отчего вдруг иногда плакать
Так легко, как будто я в детстве:
То ли ты уже моя память,
То ли я уже твое сердце...*

И это:

*... Я из небес сошью тебе
Одежду к маленькой судьбе.
Ты только на руки полей,
Художник мой, мой Водолей...*

Такую чистоту и простоту, такую искренность и силу я встречал только у моих любимых Ахматовой, позднего Заболоцкого, Бродского, Высоцкого, Рубцова. Это были Валерины стихи, вошедшие потом, через много лет, в его первую книгу «Поводырь души» (Москва, Издательство «Прометей», МГПИ им. В. И. Ленина, 1990). Но это был еще 1984-й год, и Валера только-только начал серьезно заниматься поэзией. Ему необходимо было услышать мнение о том, что он делает.

Я встретил вечером Валеру уже как друга. Мы сидели на кухне, курили, пили чай и кофе в невероятных количествах. Я, «калужский водохлеб», всегда предпочитал чай, а Валера — кофе. Мы разговаривали о литературе и рисунках, о недавно прочитанном, о том, что хочется печататься, но возможностей для нас, провинциалов, нет. Просто о жизни говорили. Мы шутили и подкалывали друг друга. Такой стиль общения с шутками, приколами, розыгрышами сохранился у нас на долгие годы. Мы оба были друзьями замечательного человека и художника Людмилы Киселевой — она «ставила нам душу». Так однажды сказал о ней Прокошин.

Несколько лет подряд каждую субботу и воскресенье мы проводили вместе. Нам было всегда интересно вдвоем.

Очень часто Валера приходил с Маринкой и Кристиной, своими дочками, которых он нежно и трогательно любил. Они играли с моими сыновьями, у нас стоял шум и гам — настоящая творческая атмосфера молодости.

Объединяла нас и любовь к Боровску, небольшому провинциальному городку, в котором я вырос, а Валера все чаще там бывал, приезжая к Киселевой и по

делам редакционным — он начал сотрудничать с районной газетой «За коммунизм» (да, такие и подобные названия были тогда у многих газет). Уверен, для художника Боровск — неиссякаемый источник вдохновения. Здесь можно рисовать на каждом углу, в любой точке, просто поворачиваясь в разные стороны. Об этом я и рассказывал Прокошину. Ему нравились мои рисунки, и однажды он принес несколько стихотворений, посвященных нашему городу:

*... Опять зима спешит со всех сторон,
Никто об этом в Боровске не тужит,
Лишь низко-низко над землю кружат
Оборванные крестики ворон...*

*... Ночной мороз стекло залижет льдом,
Метель в лесу задует свет осенний.
И только жар коротких воскресений
Согреет душу будущим теплом.*

Это о тех воскресных встречах, об искренности и душевности, любви, открытиях.

Моя жена, Галя, учительница литературы старших классов, подготовила по стихам Валеры вечер, посвященный Боровску. Для Валеры, по семейным обстоятельствам ушедшего из средней школы в ПТУ, это было событием колоссальным. Та самая директриса, которая выгоняла его из класса, презрительно называла пэ-тэушником, теперь уважительно принимала его и ставила всем в пример.

А Валера как-то очень быстро вырос в профессионала и однажды начал вести поэтическую рубрику в районной газете. Но Прокошин не был бы Прокошиным, если бы не стал развивать эту страничку, выходящую при нем не реже одного раза в неделю. Он собрал и подготовил к печати антологию «Боровск поэтический». На какие хитрости мы пошли, чтобы антология вышла книгой в 1990 году — отдельная история, и это почти чудо — ни бумаги, ни денег, ни доступа к типографиям у нас не было и не могло быть. Но она вышла. Эта была большая удача Валеры и всех нас.

Прокошин вообще отличался удивительным даром не только генерировать идеи, но и подхватывать и развивать идеи других и, что редкость, реализовывать их. Мы ведь не просто мечтали-рассуждали. Валера писал о поэтической студии «Основа», в которой он занимался. Но никогда не упоминал о том, что сам он создал при этой студии детскую группу. Он ходил по классам, выискивая таланты, отбирал стихи и публиковал их везде, где только удавалось. Несколько подборок стихов этих детей были опубликованы и в областных газетах, и в региональных литературно-художественных журналах.

Тогда же он начал писать первые стихи для детей. Самые ранние, конечно, для дочек. А я очень хотел рисовать для детей. Когда увидел детские стихи Валеры, сказал ему: мы никогда не прорвемся в издательства — их мало в СССР,

план изданий на пятилетку вперед, печатают только членов Союзов, но давай сделаем детскую книгу для себя. Удивительно, но когда макет был готов к печати и мы увидели рукотворную книгу после распечатки на ксероксе и склеивания вручную, Валера, который уже завязал к тому времени некоторые знакомства в Калуге, привез сногшибательную весть: в областном центре организовано новое издательство. Долго не раздумывая, мы поехали туда, встретились с директором, и на его вопрос, что мы можем показать, выложили на стол три подготовленные к печати книги. Поскольку ни у кого такого не было, у нас забрали все, и не только тут же издали, но и заказали нам новые книги. Так появились на свет «Боровск. Провинция» (стихи), «Про секреты» и «Озорная азбука» (стихи для детей), «Во всем виновата Жучка» (веселый рассказ для детей).

Детские стихи Прокошин писал весело, фантазируя на самые обычные ситуации:

*Вчера у планетария
Произошла авария.
У Пашки и у Мишки
На лбу большие шишки.
Каждый мчался в гости к другу,
А столкнулись за углом.
И такие были искры,
Что растаял снег кругом.*

Немного обидно, когда говорят о том, что у Прокошина вышла всего одна книга при жизни — «Между Пушкиным и Бродским». Конечно, она была более заметна, чем предыдущие, но если бы не было тех изданий, то поэта Прокошина, которого мы знаем сегодня, возможно и не было бы. Они очень продвинули его развитие, стали мощным трамплином для его творчества. Поэтому мы благодарны нашему первому издателю, директору Калужского издательства «Золотая аллея» Владиславу Васильевичу Трефилову, для нас просто Владу, замечательному поэту и товарищу.

И мы не раз с удовлетворением узнавали, что книги детского писателя Евгения Абрамовича Козинаки (псевдоним Прокошина) повзрослевшие дети 90-х помнят, как добрых знакомых, что его книга «Во всем виновата Жучка» находится среди лучших изданий детской литературы 90-х годов.

Валера был очень общительным человеком. Он любил новые знакомства, новые встречи, любил выступать на поэтических вечерах в Калуге, Обнинске, Боровске, Белкине, Полотняном Заводе, Тарусе, потом в Москве. Не раз ездил к Анастасии Цветаевой. Об этом он написал в своих воспоминаниях. Но об одном случае он мало кому рассказывал.

Как-то Людмила Киселева попросила его передать альбом своих рисунков Булату Окуджаве. Прокошин созвонился с ним и приехал. Булат Шалвович встре-

тил его в потертом домашнем халате, старых тапочках — болел. Альбомы он положил на стол в небольшой комнате, расспрашивал о Киселевой и ее творчестве. Прокошин, осмелев, передал ему несколько своих стихотворений. Окуджава сказал, что сейчас он не будет отвлекаться на стихи, его ждет работа над рукописью, но через месяц он готов встретиться и обсудить их.

— Как мне напомнить вам о том, кто я? — спросил Валера.

— А ты напой при встрече: «Спой мне, спой, Прокошина, что хлеба нескоше-ны...», я и вспомню, — посоветовал знаменитый поэт.

— Я раз пять спел ему эту песню, — рассказывал потом Валера со смехом, — но Окуджава все смотрел на меня, как на придурка, но так и не вспомнил.

Комичность ситуации еще и в том, что у Прокошина не было ни музыкально-го слуха, ни голоса, а пением он называл свои выкрикивания с периодическими взмахами руками. Между тем, петь он любил, но делал это редко, внешне обознача-чая пение как свое дурачество.

В поэзии и прозе Валера много писал о темной стороне жизни, ее пороках, своем обделенном детстве. Читатель обычно проецирует творчество на личность автора. Но в самом Валере не было ни темного, ни злого. Хотя Прокошин не был и «ботаником». Он был настоящим уличным пацаном, но не безродным босяком. Его уважительное, может, даже рыцарское отношение к женщине я наблюдал не единожды. Он всегда вставал, когда в комнату входила моя жена, с готовностью исполнял просьбы ее и других женщин. Никогда я не слышал от него ни одного недоброго слова ни о ком вообще. А если человек был ему неприятен, то старал-ся просто не сталкиваться с ним. Он, по-моему, вообще не умел злиться, пред-почитая ретироваться или отшутиться. За годы дружбы у нас была пустяковая размолвка всего один раз, и виноват был я. Мы на нее даже внимания не обрати-ли, настолько увлечены были очередным общим делом. Ссориться было просто недосуг.

Я привез его в деревню Бутовку отдохнуть, и тут оказалось, что он, вырос-ший в фабричном поселке, почти деревне, не умеет косить, копать, колоть дрова. Он был настолько городским, что так и не понял, в чем прелесть жизни за горо-дом. Он наслаждался городской суетой, шумом, гамом, многолюдьем, а уставал как раз от тишины.

Валера купил цифровую мыльницу и к стихам стал делать еще и фотографии.

Прокошин фотографировал все: балабановский рынок с пешеходного моста, водителя маршрутки, пацана на Ёсовке (горка в Ермолино), свалку во дворе, бабушек (назвал этот цикл «Уходящие старухи»)... Сделал целую серию фотогра-фий из Ермолинского Дома ребенка, где воспитывались малолетние (до двух лет) дети-инвалиды. Эта тема обездоленности была ему особенно близка: мы сделали буклет на эту тему и фоторепортаж в спецвыпуске районной газеты, но Валера еще не раз писал и делал телерепортажи об этих малышах. В его силах было лишь

Последний творческий вечер В. Прокошина в Боровске. Презентация книги «Между Пушкиным и Бродским». Боровск, картинная галерея, март 2007. Фото Николая Милова

напомнить обществу о них, а вот как вернуть здоровье, как сделать жизнь этих детей хоть немного счастливее и радостнее?

В начале 2000-х стал фотографировать бабочек. Гонялся за ними в любую свободную минуту. Где эти фотографии сейчас — не знаю. Чуть позже появились и стихи о бабочках и мотыльках.

Помню, как радовался он приобретению первого своего компьютера — подарок Людмилы Киселевой: «У меня теперь есть выход в интернет, будем переписываться...». Компьютер был слабенький, только для текстов, интернет подключался через модем и телефон, компьютер постоянно зависал, связь обрывалась... Нет, полноценного общения не полу-

чалось. Но поэтический горизонт расширился — появились публикации в «Живом Журнале», «Сетевой словесности», первые приглашения в Москву, в Киев... Это была высота, которую стоило осваивать, и Валера писал по ночам письма, собирал подборки стихов для публикаций, советовался, читал отзывы, писал рецензии...

— Как пишется «онлайн», — спросил он как-то, — вместе или раздельно?..

Это рождался цикл «Мать-и-матрица», которую Андрей Коровин назвал первой поэмой об интернете, и Прокошина интересовала терминология, нюансы, названия клавиш...

Его творчество выходило на новый уровень, становилось многогранней и глубже, тоньше и непредсказуемей. В интернете о нем стали писать, цитировать, спорить...

А Прокошин уже горел новыми планами, поездками, книгами. Он становился переводчиком жизни на язык поэзии, и темы для творчества роились вокруг него.

Однажды Валера чуть не погиб. Как-то мы не виделись почти месяц. Смеясь и балагурия, он рассказал, что, когда он проходил по коридору общежития, где тогда жил с женой Галей и дочками, рабочие уронили оконную раму. Огромный осколок вонзился ему в спину. Доктора сказали, что осколок только чудом не перерезал артерию и не задел жизненно важных органов. Две недели Валера пролежал

в больнице. А я тогда сразу подумал о страшной для меня строчке из его раннего стихотворения: «...и улываю в больничную старость...» Я никогда ее не забывал, потому что еще в 80-х понял, что так и будет, хотя к предсказаниям всегда относился и отношусь иронично.

Он был мне братом, хотя мы об этом с ним никогда не говорили и в вечной дружбе не клялись.

*Как будни хороши, как праздники печальны,
И полночь за окном закономерна, друг.
А наши жизнь и смерть наивны и случайны,
Как эхо по утрам, его прощальный звук.
Прошедший долгий день, такой земной и грубый,
И тот похож на лучик, скользнувший мимо глаз.
Реально только то, чего коснулись губы,
Но если в первый раз или в последний раз.
Над крышами домов, качаясь и кивая,
Опять плывет луна, ущербная, как бред.
Вся наша жизнь с тобой условная такая,
Что кажется порой — и вовсе жизни нет.
О, сколько раз в году нас призраки венчали
С веселою удачей, но снова повторю:
Как будни хороши, как праздники печальны
И как душа тоскует опять по декабрю.*

В декабре у Валеры был день рождения.

«Я последний романтик века»... — сказал о себе Прокошин в конце 80-х, не предполагая, что это эпитафия себе уходящему. Романтизм закончился с выходом первой книги. Но его поэзия тогда только начиналась. И она уже не закончится никогда.